

Художник слова

Третьяковка открыла выставку Эрика Булатова

Вчера в Третьяковской галерее на Крымском Валу начала работать персональная выставка Эрика Булатова «Живу — вижу». Выставка — дань уважения, подарок к семидесятилетию одного из лучших современных русских художников. Небольшая камерная выставка с двумя известными картинами и новой графикой вполне хороша, но никак не годится для юбилейной — она не дает представления о подлинном масштабе таланта Булатова. Лучшие, ставшие классикой его картины показывают сегодня выставки в Берлине и во Франкфурте.

Ольга КАБАНОВА

Эрик Булатов — очень хороший художник, сумевший сказать свое слово — художническое и человеческое. Когда сегодня говорят о лидерах советского неофициального искусства, то начинают, как правило, с двух фамилий: Кабаков и Булатов. Потому что они — самые известные на Западе современные русские художники, и потому что их новые работы не менее значительны, чем прошлые.

В 1988 году Эрик Булатов уехал из страны, которая уже отсчитывала последние годы своего исторического срока. Одна из самых известных перб СССР, закатым солнцем уходящий с неба за горизонт — висит сегодня на выставке «Коммунизм: фабрика мечты» во Франкфурте-на-Майне и смотрится совсем не так, как пятнадцать лет назад, когда была написана. Острота политического контекста ушла, осталось огромное историческое полотно, этаким

реквием по исчезнувшей стране, анти-Атлантиде.

Работая в советские годы официально иллюстратором в издательстве «Малыш», а неофициально — художником, числившимся в анτισоветчиках, Эрик Булатов как раз и занимался художественным анализом той особой действительности, в которой жили советские люди. Сама констатация этой особенности, уникальности считалась в те времена одним из клеветничеств, другими — честностью и отвагой. Теперь, когда многие заняты размышлениями на тему, что особенного, а что общечеловеческого было в той ушедшей советской жизни, оказалось, что художественное исследование, проведенное Булатовым, не просто не устарело, а стало особенно нужным. Но к этому времени лучшие работы Булатова оказались для российского зрителя недоступны. Они хранятся в западных музеях и частных собраниях, и вывезти их на выставку в Москву очень дорого даже для главного музея нашего национального искусства.

Эрик Булатов у своей картины «Вход»

Поэтому на выставке в Третьяковке можно увидеть только две большие и характерные для Булатова картины. На одной, знаменитой, — огромными казенного шрифта буквами две надписи «Вход» и по ним две надписи «Нет входа». Эта картина теперь не о формальных советских ничего не значащих декларированных разрешениях, она вполне читается как визуальный парадокс с философским подтекстом. Вторая картина — над пейзажем с церковью в Коломенском встают две огромные римские цифры. Кто из молодых поймет, что так обозначались порядковые номера очередных партийных съездов, должных освещать своими историческими решениями всю жизнь советского человека?

Эрик Булатов всегда делал картины с текстом. Слово, его изображение, становилось героем и сюжетом его полотен, написанных в жесткой условной, почти гиперреалистической манере. Политические лозунги, их буквы заполняли пространства советских городов так же властно, как теперь заполняют бук-

вы рекламных слоганов и фирменные логотипы. Буквы, надписи становились частью идеологического пейзажа, который писал Булатов. И трудно объяснить словами, каким внутренним тревожным напряжением этот пейзаж был наполнен.

Сейчас Эрик Булатов по-прежнему работает с текстом, только в его новой графике живут другие слова, часто — цитаты из стихов его друга поэта Всеволода Некрасова (название выставки — тоже его слова). У этих слов уже другая интонация — не властная казенная, а нежная, лирическая. На выставке — новый Булатов, не такой серьезный и дерзкий, как в былые времена.

Праздное дело гадать, можно ли было найти деньги на полноценную, большую ретроспективу художника в Москве. Но тем, кто видел его работы на немецких выставках, трудно не жалеть, что такая ретроспектива не состоялась. Хорошо, конечно, что художник приехал на открытие, что был тепло встречен, хорошо, что вспомнили и поздравили. Хорошо, но не достаточно.

Известия, 2003, 11 окт. — с. 12